

В.К. Давыдову Карамзину. (автор)

13. XII. 1948

1

Ваше Императорское Высочество!

Сердечно благодарю Васъ за Ваше милостивое и лестное письмо, коимъ Вы меня утѣшили.

Съ радостью исполняю Ваше желаніе и высылаю Вамъ заказной бандеролью мою книжку о Россіи, вышедшую по мѣсту моего жительства. Въ дѣйствительности всѣхъ чтеній было шесть. напечатано же только три. Здѣшніе туземцы отсовѣтовали мнѣ печатать четвертое, пятое и шестое чтенія, которыя такимъ образомъ остались въ рукописи; они указывали мнѣ на то, что ихъ „публика“ не пойметъ содержанія этихъ чтеній и просто не повѣритъ имъ. Въ четвертомъ чтеніи говорилось объ органическомъ единствѣ русскихъ національныхъ задачъ на протяженіи вѣковъ; въ пятомъ — о значеніи монархическаго начала въ исторіи Россіи, прямо предписывавшагося всѣмъ ходомъ исторіи, и о томъ широчайшемъ самоуправленіи, которымъ русскій народъ пользовался при своихъ Государяхъ; въ шестомъ — о русской національной идеѣ въ прошлом и въ будущемъ, свидѣтельствующей о самобытности и величіи русскаго народа („творческое слово Россіи міру“). Чтобы не повредить выпускаемымъ первымъ тремъ чтеніямъ, я отложилъ эти послѣднія и дѣйствительно впоследствии убѣждался не разъ, что двухсотлѣтняя пропаганда враговъ Россіи въ самомъ дѣлѣ крѣпко извратила мышленіе европейцевъ о насъ и нашей исторіи.

Но, думается мнѣ, намъ надо помышлять больше о себѣ, чѣмъ о нихъ; поэтому я вотъ уже нѣсколько лѣтъ пишу только по русски, книгу за книгой, а такъ какъ печататься негдѣ, то кладу все въ столъ и отдаю на волю Божию. Надѣюсь въ такомъ порядкѣ мнѣ удастся закончить и мою книгу „о Монархіи и республикѣ“, вынашиваемую мною съ 1909 года. Надо сказать о Монархіи самое главное. Ибо разучились русскіе люди имѣть Царя, разучились за 19 вѣкъ, задолго до первой міровой войны; а теперь страшно даже и думать, что за духовное разложеніе господствуетъ у насъ тамъ послѣ 30 лѣтъ большевизма, страха, нищеты, порабощенія, вынужденнаго воровства, обязательной лжи, взаимнаго доношительства и предательства....

Благодарю Ваше Императорское Высочество за оказанное мнѣ въ письмѣ Вашемъ довѣріе и питаю надежду, что Вы безошибочно узнаете мои писанія и въ той анонимной формѣ, къ которой я за послѣдніе годы бываю часто вынужденъ въ силу моего безправія въ свободной странѣ. Но дѣло не въ подписи, а въ убѣдительной силѣ правды, выговариваемой безкомпромиссно.

Разрѣшите мнѣ приложить къ тремъ нѣмецкимъ рѣчамъ о Россіи —

три русскія рѣчи, выпущенныя мною въ 1934 году. Изданіе давно уже разошлось и экземпляръ (простите!) - антикварный.

Прошу Великую Княгиню милостиво принять выраженіе моихъ династическихъ чувствъ.

Вашего Императорскаго Высочества

вѣрнопреданный

13 декабря 1948

1006 1950

3

Ваше Императорское Высочество!

Разрѣшите мнѣ принести Вамъ ко дню Вашего тезоименитства мое поздравленіе и мои лучшія пожеланія. Да смилуется наконецъ Господь надъ нашей родиной и надъ ея опустѣвшимъ престоломъ и да пошлетъ намъ всѣмъ облегченіе и утѣшеніе...

Я былъ душевно тронутъ Вашимъ письмомъ, мною только что полученнымъ... Благодарю Васъ! Мои дни проходятъ въ уединенной и напряженной работѣ. Моимъ перомъ водятъ острые чувства любви, негодованія и отвѣтственности. А я часто сижу долгими мѣсяцами безъ всякаго отклика и не знаю, что доходить до сердца и до воли читателей. А между тѣмъ моему духовному взору предносится будущій русскій Государь, которому мысленно предназначается въ видѣ „доклада“ каждая написанная строка.

Мнѣ было очень отрадно услышать отъ моего давняго друга, посѣтившаго Великую Княгиню и Ваше Высочество въ Мадридѣ, о ласковомъ приѣмѣ ему оказанномъ. Я познакомился съ нимъ въ 1922 году, тотчасъ же послѣ ~~пр~~бытія въ Берлинъ изъ Совѣтѣи. За эти 28 лѣтъ я, что называется, „сѣлъ съ нимъ пуды соли“ и видѣлъ его много разъ въ политическихъ положеніяхъ крайне затруднительныхъ, почти трагическихъ, когда нападенія на него шли то справа, то слѣва... И каждый разъ его энергія и вѣрность подсказывали ему такой путь, который выводилъ его изъ новой бѣды съ честью и несломленнымъ въ борьбѣ. Это человѣкъ — по истинѣ заслуживающій полного довѣрія!

Что меня постоянно тревожитъ, это положеніе монархическаго движенія за рубежомъ. Въ молодежи есть, говорятъ, искренній порывъ, но нѣтъ зоркости, опыта и пониманія; и потому она не въ состояніи отличить монархическаго агитатора или даже провокатора, отъ серьезнаго и отвѣтственнаго политика, а также честно-убѣжденнаго человѣка отъ журналиста дурного тона... А между тѣмъ агитація, волнующая только чувство и подстрекающая къ мгновенной дѣятельности, къ всплшкѣ, сейчасъ совсѣмъ не у мѣста въ зарубѣжїи. Агитація ведетъ къ эксцессамъ, а эксцессы сейчасъ будутъ только вредить. Нужна пропаганда, т.е. спокойное, выдержанное разъясненіе, привлекающее сердца и заряжающее волю долгимъ и вѣрнымъ зарядомъ, а умъ — трезвостью и зоркостью. И конечно — нужна организація. Но объ этомъ мой другъ имѣлъ возможность доложить Вамъ наши съ нимъ общія воззрѣнія.

Примите, Ваше Императорское Высочество, мою искреннюю благодарность за вниманіе къ моей работѣ и за лестную оцѣнку ея, и не откажите засвидѣтельствовать отъ моего лица совершенно такія же чувства мои Великой Княгинѣ.

Вашего Императорскаго Высочества

вѣрнопреданный

5

28. VIII. 1950

Ваше Императорское Высочество!

Позвольте мнѣ принести Вамъ мою благодарность за оказанное мнѣ двукратно довѣріе. Отвѣтъ на большой листъ вопросовъ я уже изготавилъ и отдалъ текстъ его въ переписку. Онъ будетъ доставленъ Вамъ моимъ парижскимъ другомъ, котораго Вы и Великая Княгиня столь ласково принимали у себя этой весной. Онъ будетъ обозначенъ первою буквою Барселонны, значеніе которой обѣщаль пояснить Вашему Высочеству Ю.И., только что посѣтившій меня по мѣсту моего жительства. Прошу Вашего разрѣшенія оставить за мной это обозначеніе и впредь.

Въ Что касается второго запроса, изложеннаго въ отдѣльномъ письмѣ, то долженъ признаться, что я съ нимъ еще не справился, но надѣюсь по зрѣломъ ^{мысли} разрѣшеніи отвѣтить и на него. Здѣсь имѣются величайшія трудности, которыя я долженъ буду освѣтить Вамъ подробнѣе.

Считаю себя обязаннымъ давать свои отвѣты съ полною прямою и откровенностью; при этомъ считаю ихъ обращенными къ Вашему Высочеству и къ Великой Княгинѣ, такъ что на какомъ нибудь возможномъ „многоголовомъ совѣщаніи“ я не высказалъ бы и одной трети того, что изложилъ.

Вашего Императорскаго Высочества

покорный слуга

28. VIII. 1950

5.

5.X.1950

Ваше Императорское Высочество !

Простите мнѣ великодушно мое опоздание съ „отвѣтами“. Дѣло въ томъ, что я въ концѣ августа заболѣлъ воспаленіемъ венъ (тромбо-флебитъ) съ опасностью образованія эмболии. Это мучительно и тянется до сихъ поръ. Болѣзнь перевернула всѣ мои расчеты, лишила возможности писать на машинкѣ и сдѣлала меня зависимымъ отъ чужого досуга. Отсюда возникла моя неаккуратность, которая меня весьма тяготитъ...

Однако отвѣтъ по запросу изъ Женевы мною тщательно разработанъ и отправленъ заказнымъ письмомъ на мадридскій адресъ въ концѣ сентября. Надѣюсь изготовить и остальное въ скорости. Тогда пришлю.

Свидѣтельствую Вашему Императорскому Высочеству и Великой Княгинѣ мою всегдашнюю готовность и вѣрнопреданность, и очень надѣюсь, что до Васъ дошло мое письмо отъ 28 августа.

Вашъ

Б.

5 октября 1950

5.X.1950

6. XI. 1950

6

Ваше Императорское Высочество!

Ваше письмо отъ 10 августа сего года заставило меня сильно и долго призадуматься. Я все искалъ способа подойти къ разрѣшенію вопроса о созданіи „въ зарубежѣ Свободной Россійской Академіи Наукъ и Искусствъ" и пришелъ къ нижеизлагаемымъ выводамъ. Моя длительная и мучительная болѣзнь, и нынѣ съ трудомъ преодолеваемая, помѣшала мнѣ доложить Вамъ эти выводы раньше.

Идея эта, сама по себѣ, превосходная : органически вѣрная и импонирующая. Осуществленіе же ея представляетъ такія затрудненія.

Всякая Академія есть совокупность людей, живущихъ въ одномъ городѣ или по крайней мѣрѣ въ одной странѣ и регулярно общающихся другъ съ другомъ. Именно въ этомъ общеніи (засѣданія, доклады, обсуждения, полемика, взаимная квалификація...) а также въ совмѣстномъ дѣланіи (изданіе трудовъ и журнала, премированіе достойнѣйшихъ, самопополненіе выборами..

— вырабатывается тотъ единый общій уровень, та „атмосфера" умственного и художественнаго порядка, которая „излучаетъ" въ народъ чувство умственно и художественной отвѣтственности и „держитъ" творческій уровень въ странѣ. Въ эмиграціи это невозможно вслѣдствіе разсѣянія людей по непреодолимымъ пространствамъ : даже съѣзды русскихъ ученыхъ, происходившіе два раза за эти долгіе годы, были возможны только потому, что расходы брало на себя одно изъ славянскихъ государствъ и что большинство цѣнныхъ ученыхъ проживало въ Европѣ...

Нынѣ, увы, все это обстоитъ иначе. Люди разсѣяны на гораздо большемъ удаленіи (сѣверная и южная Америка, Австралія, Африка) и устраивать ся на мѣстахъ жительства имъ стало гораздо труднѣе. Эту трудность устройства надо принять во вниманіе какъ величайшую помѣху нашему дѣлу. Люди находятся въ зависимости отъ той страны, которая даетъ имъ работу и которая ихъ политически контролируетъ. И въ прежніе годы бывали уже случаи, что профессора воздерживались отъ пріѣзда на съездъ въ виду того, что страна дающая имъ жизнь и работу „посмотрѣла бы косо", или уже смотреть неодобрительно на ихъ поѣздку; иногда прямо не давали визу, какъ было съ генераломъ Н.Н.Головинымъ, работавшимъ во Франціи. Нынѣ же все это чрезвычайно обострилось. Ученый, въѣхавшій напр. въ Соединенные Штаты, какъ бы „отдался въ плѣнъ" и радъ, если онъ можетъ тамъ хоть какъ нибудь прокормиться, преподавая гдѣ нибудь русскій языкъ, или какъ профессоръ Е.В.Спекторскій (прекрасный ученый и отнюдь не „лѣвый"), — читая лекціи тремъ студентамъ украинцамъ на курсахъ епископа Іоанна Бруклинскаго, нисколько не соответствующаго по своему образу мыслей воззрѣніямъ Спекторскаго.

Въ общемъ надо признать, что ученые естествовѣды и техники (какъ Тимошенко) устроены хорошо: они осѣли прочно, отошли отъ политики и обыкновенно связаны контролемъ анти-монархической „Закулисы". Ученые же гуманитарной спеціальности (историки, юристы, филологи, философы, экономисты) или совсѣмъ не устроены или кормятся кое какимъ трудомъ (уроками рус

скаго языка, переводами, поддержкой собственныхъ дѣтей или меценатовъ), - опасаясь всего.

Долженъ высказать Вашему Императорскому Высочеству нѣкую грустную истину : въ политическихъ дѣлахъ ученые и художники суть люди вообще не волевые ... И не потому, что бы ихъ Богъ обидѣлъ волю, а потому, что они затрачиваютъ и растрачиваютъ всю свою волю на внутреннюю работу (организацию своей души и своего опыта и оформленіе своего матеріала)... Разсѣянность ученаго или художника происходитъ отъ его внутренней сосредоточенности. Внѣшнее "безволіе" его - отъ постоянного внутреннего напряженія. Жизненная безпомощность, которую у нихъ нерѣдко замѣчаютъ - отъ пребыванія вниманіемъ въ самомъ себѣ... Есть немало честолюбивыхъ ученыхъ, но способныхъ къ власти - очень мало. Салазаръ - великое и драгоцѣнное исключеніе.

Вотъ откуда у этихъ людей нѣкоторая жизненная робость. Вотъ почему за послѣдніе годы русскіе ученые стремились въ Америку (гдѣ имъ казалось "не такъ опасно"; вотъ почему Бунинъ и Ремизовъ качнулись въ 1945 году къ "совѣтамъ"; вотъ почему музыканты безъ всякаго основанія возвеличивали Куссевицкаго, ища у него "заручки"...

Поэтому я предвижу, что какъ только кому нибудь изъ нихъ будетъ предложено открыто признать себя монархистомъ и принять "монархически-академическое званіе", такъ почти всѣ испугаются и начнутъ сначала искать предлога для отказа, а потомъ оглашать свой отказъ въ видѣ "страхованія" передъ "всемогущей Закулисой"... Имъ отъ этого будетъ униженіе, а монархическому дѣлу - вредъ. Отзовутся люди безъ авторитета и имени; а ихъ участіе въ Академіи - не украситъ ея.

Обезпечить приглашаемыхъ твердымъ содержаніемъ - облегчило бы дѣло; но мнѣ кажется это пока неосуществимымъ: средства понадобятся на гораздо важнѣйшее. Пригласить ихъ съѣхаться въ одну страну - тоже неосуществимо: съѣздъ былъ бы безлюднымъ и по по качественному уровню не импонирующимъ, что дало бы только поводъ къ новымъ раздорамъ и нареканіямъ; а враги стали бы говорить о "провалѣ монархическаго начинанія".

Въ виду всего этого я бы высказался, Ваше Императорское Высочество, за то, чтобы, не отвергая эту идею, намѣчать и "накапливать" соотвѣтственныхъ ученыхъ и художниковъ исподволь, всегда возвращаясь къ вопросу о томъ, кто можетъ имѣться въ виду (проблема кадра) и не форсируя этого дѣла, въ качествѣ "несрочнаго". Ибо съ одной стороны импонируетъ качество людей; и всякая академія сильна именно своимъ качествомъ. Съ другой стороны очень важно, чтобы начинаемое монархическое центрированіе эмиграціи началось съ удачъ, а не съ неудачныхъ попытокъ.

Но объ этомъ я писалъ Вашему Императорскому Высочеству въ другой связи.

Свидѣтельство Ваше Императорскому Высочеству
1. Великое Князю Александръ Александровичу Бунину
Ваше Императорское Высочество
6. ноября 1950

7. XI. 1950

Ваше Императорское Высочество!

Сегодня получилъ отъ Васъ доброе слово и одобреніе. Благодарю Васъ!.....

Вчера отправилъ Вамъ авіономъ мои соображенія относительно Академіи. Вчера же до меня дошло извѣстіе въ видѣ слуха о Вашемъ „интервью“ въ португальской газетѣ. Не имѣя еще никакихъ серьезныхъ подтвержденій и не читая текста, полагаю, что этотъ документъ войдетъ въ исторію. На всякій случай посылаю Вамъ брошюру на нѣмецкомъ языкѣ другимъ неизвѣстнаго, но Вашему Высочеству извѣстнаго автора. Если бы она Вамъ понадобилась (для соотвѣтственной разсылки...), то ее можно было бы доставить по адресу, который былъ бы указанъ, въ сравнительно большомъ числѣ экземпляровъ (десятками). Текстъ ея былъ написанъ по русски; потомъ переведенъ и отредактированъ авторомъ по французски и изданъ въ Брюсселѣ (ротаторомъ...). Затѣмъ онъ былъ переведенъ на англійскій языкъ и переданъ въ У.С.А. Ивицкому, который сначала бодро взялся печатать при содѣйствіи князя Бѣлосельскаго-Бѣлозерскаго, но потомъ вдругъ извѣстилъ моего парижскаго друга, что „денегъ нѣтъ“.

Я былъ бы радъ и счастливъ, если бы эта брошюра заслужила бы Ваше одобреніе и послужила бы дѣлу.

Свидѣтельствую мое вѣрнопреданное почтеніе

Вашему Высочеству и Великой Княгинѣ

остаюсь Вашъ

7. ноября 1950

Доктора довольны ходомъ моей болѣзни, а меня мало утѣшаетъ это, ибо боли бываютъ мучительны.

15. XII. 1950

9

Ваше Императорское Высочество!

Разрѣшите мнѣ сердечно поблагодарить Великую Княгиню и Васъ за добрыя пожеланія и милостивое письмо.

Я буду очень радъ имѣть первоначальный текстъ Вашего „Предупрежденія“ или „Предостереженія“ по англійски и заранее благодарю Ваше Высочество за доставленіе мнѣ этого документа.

Что касается моего „Номера Второго“ („Номеръ Первый“ о совѣтско церкви былъ напечатанъ А.В.Карташевымъ ранѣе за подписью С.П.), то съ нимъ обстоитъ дѣло такъ.

Французскіе экземпляры обѣщаль доставить Вашему Высочеству въ нужномъ числѣ Юрій Ильичъ. Текстъ перевода на англійскій языкъ я передалъ также ему. Сегодня мы съ нимъ условливались по телефону, какъ быть дальше. Я къ сожалѣнію недостаточно владѣю англійскимъ языкомъ, чтобы самому перевести текстъ (какъ я сдѣлалъ по нѣмецки), или чтобы провести отвѣтственную редакцію (какъ я сдѣлалъ по французски). Англійскій переводъ дѣлалъ переводчикъ достаточно владѣющій языкомъ, и меня беспокоить не столько стиль, сколько вѣрная передача историческихъ и юридическихъ терминовъ. Такія выраженія, какъ „сословно-крѣпостной строй“, „земское самоуправленіе“, „народные судьи“, „артель“ и т.д., — должны быть переданы не только научно-вѣрно, но и понятно для англо-американскаго читателя. Надо сдѣлать все, чтобы документъ одобренный Вами былъ безукоризненъ и чтобы правда, заключенная въ этомъ меморандумѣ, дѣйствительно дошла до читающаго. Кромѣ того, переводя меморандумъ на нѣмецкій языкъ, я учелъ „иностранную душу“ и сдѣлалъ въ русскомъ первоначальномъ текстѣ нѣкоторыя измѣненія и сокращенія, выпуская тѣ мѣста, которые были бы понятны только русскому сердцу. Поэтому редакціоннымъ оригиналомъ надо считать нѣмецкій текстъ.

Въ прошломъ году А.А. договорился съ княгиней Волконской о томъ, что редакцію англійскаго текста сдѣлаетъ она на основаніи нѣмецкаго... Но къ нашему огорченію княгиня скончалась, не успѣвъ выполнить свое обѣщаніе. — Англійскій экземпляръ, по которому хотѣлъ печатать въ Америкѣ генераль Ивицкій, былъ редакціонно не отшлифованъ и это меня тревожило. Однако съ тѣхъ поръ Ивицкій оповѣстилъ А.А., что у него дѣло остановилось за отсутствіемъ средствъ... Насколько тутъ вмѣшались и помѣшали ему „не сочувствующіе“ — мнѣ осталось неясно.

Теперь по указанію Вашего Императорскаго Высочества дѣло опять пришло въ движеніе и я очень надѣюсь, что удастся осуществить его. Ю.И. хочетъ просить о редакціи А.В.Тыркову. Она конечно могла бы сдѣлать это. Но позволить ли ей ложа, къ коей она издревле причастна, — неизвѣстно.

Тутъ я дошелъ до пункта, касающагося меня лично. Мнѣ трудно изобразить Вашему Высочеству, до какой степени мнѣ грустно, что я не могу и не умѣю быть „менеджеромъ“ моихъ „дѣтей“... Русский текстъ Номера Второго

го былъ написанъ въ октябрѣ 1947 года. Выпуская его на ротаторѣ, я нарочно остался анонимомъ, чтобы правда говорила сама за себя, и въ предисловіи я нарочно предоставилъ всѣмъ „сочувствующимъ“ безъ всякаго разрѣшенія и безвозмездно перепечатывать и размножать. Прежде всего и послалъ (для Америки!) одинъ экземпляръ Игорю Сикорскому, съ которымъ мы за мѣсяцъ передъ тѣмъ видѣлись въ Швейцаріи: онъ совсѣмъ никакъ не откликнулся... И вотъ „англійское дѣло“ съ тѣхъ поръ не сдвинулось съ мѣста... А у меня нѣтъ ни времени ни силъ, чтобы заботиться о *publique* для моихъ „дѣтей“. Пока я живъ и работоспособенъ, я обязанъ писать новое, другое, что по моему глубокому убѣжденію необходимо нашей родинѣ.

Простите мнѣ, Ваше Высочество, это личное отступление!

Если бы Тыркова стала задерживать или какънибудь иначе заминать дѣло, то надо было бы найти еще когонибудь. И если бы отъ Вашего Высочества было соотвѣтствующее указаніе, то Ю.И. смогъ бы пожалуй найти соотвѣтствующее лицо.

Въ моей затяжной болѣзни, которая повидимому начинаетъ медленно проходить, я имѣлъ одно утѣшеніе : преодолевая боль, я все время настойчиво и продуктивно работалъ и большой трудъ мой, задуманный 30 лѣтъ тому назадъ и съ тѣхъ поръ готовившійся въ сердцѣ и на бумагѣ, близится къ концу. Только ужасно не хочется обращаться къ масонской „ИМКѣ“, несмотря на то, что Мистеръ Лаури передавалъ мнѣ черезъ Владыку Анастасіа приглашеніе...

На этомъ разрѣшите мнѣ сегодня закончить.

Вашихъ Императорскихъ Высочествъ

вѣрнопреданный

81

15 дек. 1950

25. XII. 1950

11

Ваше Императорское Высочество!

Душевно поздравляю Васъ и Великую Княгиню съ наступающимъ новымъ годомъ и Рождественскими праздниками. Храни Васъ Господь!

Благодарю Васъ за Ваше письмо и за оказанное мнѣ довѣріе. Не слѣдуетъ закрывать себѣ глаза на предстоящія трудности... Нѣтъ ничего затруднительнѣе, какъ на примѣръ говорить объ искусствѣ людямъ, не способнымъ понимать его... Или доказывать предубѣжденнымъ людямъ нѣчто, несовмѣстимое съ ихъ предубѣжденіемъ. И такъ во всѣхъ дѣлахъ. Но попытаться безъ большихъ надеждъ — можно. Доказательства конечно должны быть практическія... Надо попытаться завладѣть ихъ вниманіемъ — сразу и ужъ не отпускать до конца. Думается еще, что краткому документу слѣдовало бы предпослать еще кратчайшіе тезисы, нѣчто вродѣ того, что нѣмцы называютъ „бликфенгер“, съ тѣмъ, чтобы тотъ, кто промчится глазами черезъ эти тезисы, непременно захотѣлъ бы прочесть и все цѣликомъ. Эти оба затрудненія составитель постарается одолѣть.

Но вотъ еще третье: онъ можетъ написать это только по русски. Англійскій же стиль долженъ быть безукоризненъ, — этого требуетъ и положеніе посылающаго, и самый эффектъ чтенія. Слѣдовательно надо будетъ переводить. Между тѣмъ довѣрительныхъ лицъ, безукоризненно владѣющихъ французскимъ или англійскимъ здѣсь нѣтъ. Надо будетъ найти ихъ не здѣсь. Разрѣшима ли эта задача? Само собою разумѣется, что будетъ тѣмъ лучше, чѣмъ меньше будетъ въ этихъ поискахъ участіе почты. Случайные и посторонніе переводчики, какъ бы совершенно ни было ихъ языковладѣніе, — крайне нежелательны...

Еще одно. Слѣдуетъ ли этотъ документъ мыслить какъ подписанный, или только какъ одобренный? Я стоялъ бы за второе. И притомъ потому, что текстъ навѣрное попадетъ въ руки иначе мыслящихъ тамошнихъ туземцевъ, а черезъ нихъ и въ руки говорящихъ по русски, а мыслящихъ интернаціонально бывшихъ русскихъ людей, не сочувствующихъ дѣлу нисколько... Отъ рѣшенія этого вопроса зависитъ тонъ документа, его „декорація“ и „интродукція“.

Разрѣшите мнѣ, Ваше Высочество, ждать Вашихъ указаній.
А пока буду готовить.

Вашъ

25/XII
1950

5.

1. Соединенные Штаты, въ ихъ борьбѣ съ Совѣтскимъ-коммунистическимъ государствомъ, имѣютъ мощнаго союзника, силы коего должны быть привлечены и использованы: это угнетенный коммунистами русскій народъ и его армія.

2. Для того, чтобы привлечь его, необходимо сообщить ему увѣренность что война ведется не противъ него, а за него, за его освобожденіе и возрожденіе. Необходимо приобрести довѣріе русскаго народа: тогда война будетъ окончена быстро, съ малой кровью и малыми убытками.

3. Это довѣріе было трижды обмануто за послѣднія десятилѣтія:

I. Временнымъ правительствомъ Керенскаго, не сумѣвшимъ дать народу — ни единенія, ни порядка, ни побѣды, ни справедливыхъ реформъ.

II. Коммунистами, сумѣвшими дать народу только всеобщую экспроприацию, нищету, голодъ, терроръ, порабощеніе, каторжный трудъ и вымираніе.

III. Національ-соціалистами, которые уморили въ своихъ лагеряхъ до четырехъ милліоновъ сдавшихся имъ русскихъ солдатъ и ввели въ оккупированной Россіи режимъ новаго террора, ограбленія и завоеванія.

4. Для приобретенія необходимаго довѣрія надо искать новыхъ путей: надо заговорить съ русскимъ народомъ отъ лица Русскаго Центра національно мыслящаго, исторически и государственно оправдавагося, ведшаго Россію на протяженіи столѣтій и ограждавшаго ея жизнь и культуру, — отъ лица русской Императорской Династіи. Ее возглавляетъ нынѣ старшій по законамъ престолонаслѣдія Великій Князь Владиміръ Кирилловичъ, правнукъ Императора Александра Второго.

5. На протяженіи вѣковъ русскій народъ приносилъ любыя жертвы для защиты своей страны, если только онъ вѣрилъ, что эти жертвы необходимы. Нынѣ онъ долженъ понять, что всѣ новыя жертвы его — напрасны и губительны, что онъ только продлитъ его рабство и его бѣдствія. Увѣрить его въ этомъ можетъ и долженъ голосъ его исторической Династіи, зовущей его не въ станъ враговъ, а въ станъ освободителей. Это рѣшило бы участь войны.

6. Если это довѣріе не будетъ завоевано, и если русская армія не сброситъ съ себя совѣтски-коммунистическій гипнозъ, то она будетъ дратъ ся до конца въ трагической слѣпотѣ и въ ожесточеніи, воображая, что она умираетъ за русское національное дѣло. И тогда кровопролитіе и всеобщее разореніе будутъ безконечны. Нѣтъ историческаго смысла и оправданія во взаимномъ истребленіи доблестной американской молодежи — не менѣе доблестной, но ослѣпленной русской молодежи; и исконныя миролюбивыя традиціи Династіи Романовыхъ не могутъ съ этимъ примириться.

Меморандумъ

1. Въ назрѣвающемъ міровомъ конфликтѣ необходимо добыть побѣду надъ коммунистами — быстро, малою кровью и ограниченнымъ разрушеніемъ. Новыя большія разрушенія, массовая гибель, затяжная война — потрясутъ міровое хозяйство и міровую мораль катастрофически и вызовутъ длительную анархію, всеобщее обнищаніе и крушеніе міровой культуры.

Коммунисты этого не опасаются : сами варвары, — они нуждаются въ варварствѣ, чтобы возглавить его; сами аморальные люди, — они разыгрываютъ всѣхъ деморализованныхъ людей въ свою пользу; анархія прямо нужна имъ, чтобы накрыть ее тоталитарной тиранніей (судьба Китая!).

Народы, умѣющіе цѣнить свободу и творческій трудъ — не должны допустить до этого.

2. Для того, чтобы выиграть войну скоро и безъ разоренія, есть только одинъ способъ : надо лишить большевиковъ ихъ арміи, т.е. превратить коммунистическія войска въ русско-національныя войска, переходящія на сторону свободы. Гипнозъ коммунистическаго террора и партійной пропаганды долженъ быть быстро и радикально сломенъ, искусно и согласно съ законами массовой психологіи. Съ русскими солдатами надо заговорить на языкѣ мужественной суггестіи; — на языкѣ болѣе древнемъ и здоровомъ чѣмъ коммунистическія фразы; — на языкѣ правдивомъ и патриотическомъ, разоблачающемъ обманъ совѣтской пропаганды; — на языкѣ религіозной морали и чести, который есть въ то же время языкъ семьи, родины, прощенія, примиренія и здороваго хозяйственнаго инстинкта. А это есть языкъ той государственной формы, которая строила и построила Россію въ теченіе тысячи лѣтъ. Это языкъ монархіи.

3. На протяженіи всей своей исторіи Россія никогда не была республикой. Невѣрно и невозможно ждать отъ нея республиканскаго правосознанія. Такое правосознаніе чуждо ей, совершенно такъ же, какъ монархическое правосознаніе чуждо гражданамъ Соединенныхъ Штатовъ Америки и Швейцаріи. Именно этимъ объясняется возникновеніе правленія Ленина и Сталина : попытка ввести республиканскій строй въ 1917 году — показала всему міру неумѣніе русскаго народа строить свое государство по типу республики и все закончилось тоталитарной тиранніей... Въмѣсто монархіи возникла гибельная и унижительная карикатура на монархію, которую черезъ шестнадцать лѣтъ воспроизвелъ въ Германіи Хитлеръ.

Россію издавна вело не большинство, а меньшинство. До 1917 года это меньшинство, руководимое монархомъ, служило національному, религіозному и государственно-патриотическому дѣлу. Послѣ революціи власть была узурпирована новымъ меньшинствомъ, — интернаціональнымъ, безбожнымъ, террористическимъ, которое повело внутреннюю и внѣшнюю политику по криминальнымъ путямъ и нынѣ угрожаетъ всему человѣчеству духомъ преступленія и насилія. Переходъ къ правленію демократическаго большинства неосуществимъ сразу; онъ долженъ быть тщательно подготовленъ длительнымъ политическимъ воспитаніемъ народа. Революція же закрѣпила авторитарное мышленіе въ странѣ такъ, какъ никогда и съ этимъ необходимо считаться.

4. Что же касается коммунизма, то русскій народъ никогда не сочувствовалъ ему. Глубокое и всестороннее изученіе хода русской революціи не оставляетъ въ этомъ ни малѣйшаго сомнѣнія.

Если бы русскій народъ сочувствовалъ бы коммунизму, то терроръ большевиковъ былъ бы не нуженъ и давно уже прекратился бы. Отъ революціи русскія темныя массы ждали имущественнаго обогащенія, а совсѣмъ не всеобщей принудительной экспроприаціи и нищеты. Если бы русскій народъ сочувствовалъ бы коммунизму, то не было бы трехлѣтней гражданской войны (1917 - 1921); не было бы безконечныхъ казней, не было бы концентраціонныхъ лагерей, въ которыхъ, по подсчету компетентѣйшихъ ученыхъ, томится въ принудительномъ трудѣ до 15 милліоновъ антикоммунистически настроенныхъ невинныхъ людей, не было бы безчисленныхъ возстаній, заливаемыхъ кровью и заговоровъ, на подобіе заговора Тухачевского, не было бы сдачи въ плѣнъ, то въ одиночку (какъ въ финляндской войнѣ 1939-1940), то цѣлыми орміями (какъ во время германской войны 1941-1942).

Все это естественно и понятно. Русскій народъ исторически состоитъ на 80 процентовъ изъ крестьянъ, желающихъ своей земли и свободнаго хозяйства : а коммунисты отняли у нихъ землю и поработили ихъ. Когда въ 1906 году Премьеръ Министръ Столыпинъ по указу Императора Николая Второго предоставилъ крестьянамъ, ведшимъ общинное хозяйство, право выхода изъ сельской общины, то изъ 8 милліоновъ крестьянскихъ дворовъ - 6 милліоновъ высказались на протяженіи десяти лѣтъ (1906-1916) за частную собственность, тогда какъ 4 милліона были уже самостоятельными фермерами. Эта мечта о своей землѣ живетъ въ русскомъ народѣ съ незапамятныхъ временъ и принудительная пролетаризація послѣднихъ годовъ могла только углубить эту тягу къ своей землѣ...

Пролетаризованныя массы въ Россіи живутъ при коммунистахъ въ нищетѣ и лишеніяхъ, работаютъ въ „потогонной системѣ“ и съ горечью вспоминаютъ прошлое. Интеллигенція задавлена и поработена. Новое офицерство въ большинствѣ своемъ малограмотное, терроризовано и всегда готовится въ душѣ къ массовому разстрѣлу на основаніи простого подозрѣнія.

Вотъ почему русскіе ДИШИ за послѣдніе пять лѣтъ не хотѣли возвращаться добровольно въ совѣтское государство; и когда ихъ подвергали принудительной выдачѣ, то это приводило къ сценамъ массоваго самоубійства.

Коммунизму въ Россіи вѣрны только тѣ моральные отбросы русскаго народа, которые пристроились къ коммунистической партіи, сдѣлали безсовѣстную каррьеру и измарались въ осуществленіи тоталитарнаго террора.

5. Правосознаніе русскаго народа тысячу лѣтъ держалось на религіозной вѣрѣ и на довѣріи къ монарху, какъ сверхклассовому, надпартійному, наследственному и всенародно любимому главѣ государства (подобно тому, какъ въ Англіи, Германіи, Италіи, Испаніи, Швеціи и Норвегіи). Именно поэтому отреченіе Императора Николая Второго въ 1917 году было воспринято народомъ не какъ переходъ къ демократическому правленію, а какъ конецъ законности и лояльности вообще, какъ право на разнузданіе; этимъ и воспользовались большевики...

Нынѣ необходимо противопоставить ихъ гипнозу и террору авторитетный національный голосъ.

Такимъ голосомъ не можетъ быть голосъ иностранной власти : русский народъ не желаетъ быть завоеваннымъ и не повѣритъ никакому военному противнику, особенно послѣ опыта съ національ-соціалистами.

Такимъ голосомъ не можетъ быть и голосъ какой бы то ни было русской эмигрантской партіи : ибо въ Россіи, послѣ тридцатилѣтняго партійнаго террора коммунистовъ, нѣтъ слова, болѣе одіознаго, чѣмъ „партія“, какія бы обѣщанія ни выдвигались .

Никакое частное лицо, никакой генералъ, никакой политикъ не будетъ имѣть того отвѣтственного авторитета, какъ законный наслѣдникъ престола, помышляющій только о національномъ возрожденіи своего любимаго народа, не грозящій никакими карами, несущій свободу, порядокъ и амнистію, и, особенно — обеспечивающій дружественный, братскій пріемъ опоминающимся солдатамъ и офицерамъ.

6. И первое, что необходимо сказать русскимъ солдатамъ:

національной Россіи никто ничѣмъ не угрожаетъ, — ни завоеваніемъ, ни мстью, ни расчлененіемъ;

войну начали сами коммунисты и одни коммунисты, желающіе добыть-ся міровой власти кровью русскихъ солдатъ;

національная Россія не нуждается ни въ какихъ территориальныхъ завоеваніяхъ, ни въ Европѣ, ни въ Азіи;

всякія оккупации и аннексии противорѣчатъ интересамъ національной Россіи; ни одна капля русской крови не должна проливаться за имперіалистическія цѣли;

русскимъ солдатамъ не за что драться ни съ европейцами, ни съ американцами;

солдатамъ и офицерамъ, уходящимъ отъ коммунистовъ, обеспеченъ братскій пріемъ и полная безопасность; ✓

7. Дѣйствительно, территоріи, никогда не принадлежавшія національной Россіи и занятыя произвольно совѣтской властью должны быть возвращены въ рѣчные руки. Эти оккупации или завоеванія — противорѣчатъ традиціямъ національной Россіи, искавшей въ своей исторіи только естественныхъ границъ для своей безопасности, столь часто, почти непрерывно попиравшейся ея сосѣдями. Чужія же территоріи, занятыя Россіей во время внѣшнихъ войнъ, всегда возвращались ей по принадлежности по окончаніи войны (французскія территоріи 1815 —1818, австро-венгерскія территоріи 1849, балканскія территоріи 1877 —1879).

8. Современному человечеству нужна не коммунистическая и не революціонная Совѣтія, а мирная и лояльная національная Россія, та, которая всегда вѣрно держала свои союзныя обязательства, была больше всего заинтересована въ европейскомъ и азіатскомъ равновѣсіи, упорно противилась германской гегемоніи, еще въ 1875 году не позволила Германіи добить разбитую Францію и всячески искала настоящаго европейскаго замиренія на Гаагскихъ конференціяхъ.

✓ національныя Святѣи и культурныя центры Россіи будутъ всячески ограждены и избавлены отъ воен-
но-разрушительныхъ дѣйствій.

15a

Лояльная Россія, враждебная всякому империализму и тоталитаризму ,
- все равно правому или лѣвому, - будетъ имѣть всѣ возможности для
мирнаго, культурнаго развитія, всѣ основанія для мирнаго и лояльнаго
сотрудничества съ концертомъ свободолюбивыхъ государствъ міра, и жи-
вѣйшую готовность мирныхъ и дружественныхъ сношеній съ Соединенными
Штатами. въ этомъ былъ бы прямой залогъ и обезпеченіе будущаго мірово-
го развитія.

9. Конкретныя формы осуществленія основной идеи этого меморандума
подлежать въ дальнѣйшемъ устному обсужденію .Въ развитіе и обоснованіе
ея могутъ быть представлены дальнѣйшіе матерілы и аргументы.

10. Содержаніе этого меморандума извѣстно Великому Князю, возглави-
лю династїи и имъ одобрено. На протяженіи второй міровой войны, онъ,
питая нравственное отвращеніе ко всякой тоталитарной деспотїи, и ясно
прозрѣвая завоевательные планы германскаго агрессора, категорически
отказался выступить съ подобнымъ призывомъ къ совѣтской арміи. Нынѣ же
онъ совсѣмъ иначе оцѣниваетъ предстоящую борьбу и въ особенности на-
мѣренія американскаго народа. -

- - - - -

Ваше Императорское Высочество!

Ваше письмо и мое отправленіе, къ сожалѣнію разошлись... 30 дек. нынѣ уже прошлаго года я отправилъ Вамъ два конверта авіономъ; надѣюсь что они благополучно прибыли.

Все произошло такъ. Я получилъ Ваше первое письмо, написанное 18 декабря, — 23 числа. Два дня я медитировалъ, два дня писалъ и передѣлывалъ и два дня переписывалъ. Последнее звучить довольно глупо: два дня на переписку... Но поручить другому я не имѣлъ права, а эта механическая работа за машинкой вызываетъ у меня очень быстро мучительную мигрень...

Въ текстѣ мною продумано каждое слово. Я бы могъ по поводу каждаго выраженія привести всѣ аргументы, почему лучше сказать такъ, а не иначе. Конечно все идетъ на Ваше усмотрѣніе...

Изъ Вашего послѣдняго письма (помѣченного 1 янв.), я вижу, что вступительные и заключительные обороты поставлены мною не соотвѣтственно Вашему замыслу, а именно — въ стилѣ „только лишь одобренія“, а не въ стилѣ „подписи“.... Строго говоря, я долженъ былъ бы выразить здѣсь искреннее сожалѣніе и огорченіе, что не уловилъ по первому письму Вашего замысла и написалъ „не такъ“. Но, простите меня, — нѣтъ во мнѣ этого чувства, а говорить неправду я не могу.

Я долженъ признаться, что очень опасаясь „подписи“. Знаю этихъ „людей“ торговли и самаго плоскаго разсчета, знаю ихъ пошлый образъ мыслей, границы ихъ пониманія, и, главное, ихъ „закулисный“ образъ дѣйствій... Имъ такъ легко предать, „нахамить“, и, увы, сдѣлать достойное и благородное смѣшнымъ. Они пронизаны вражьими „наблюдателями“, чтобы не сказать отчетливѣе и отъ нихъ до прессы, т.е. до оглашенія въ печати — одинъ шагъ. А то, что стало достояніемъ прессы, стало для осуществленія невозможнымъ. Я бы ни за что не довѣрилъ имъ подписаннаго текста. Подписанный текстъ — это очень много, слишкомъ много, для даннаго момента и для сихъ недостовѣрныхъ людей и притомъ слишкомъ много въ измѣреніи историческомъ... Другое дѣло, когда „они“ тоже окажутся заинтересованными въ удачѣ начинанія и слѣдовательно въ дискретности.

Видя это и чуя возможныя послѣдствія коварства, я бы не далъ имъ такого текста. И потому, вопреки всему, въ глубинѣ моей совѣсти есть успокоительное чувство, что я „предложилъ иную формулировку“. Конечно ~~что~~ она можетъ быть отвергнута или измѣнена, — но я не буду въ этомъ виновать...

Впрочемъ ясно, что я сдѣлалъ такъ не изъ своеволія, а потому, что не имѣлъ уточняющихъ указаній. Дѣло же считалъ смѣшнымъ.

Боюсь, что гриппъ, посѣтившій Васъ, былъ такъ называемой „испанкой“. Я перенесъ его два раза въ жизни. Эта коварная болѣзнь: она какъ будто проходить, но ослабляетъ организмъ: у насъ въ Россіи говорили, что она „бросается на всѣ слабые органы, о которыхъ больной до тѣхъ пор

и не зналъ". Полѣ такого гриппа нужна долгая осторожность. Разрѣши-
Ваше Высочество, высказать эти слова заботы о Васѣ не Вамѣ, а Вели-
кой Княгинѣ.

И не сѣтуйте на меня, если я выполнилъ Ваше порученіе въ чемъ
нибудь не такъ, какъ Вамѣ это предносилось : вѣдь все было заглаз-
но...

Вашего Императорскаго Высочества

вѣрнопреданный

Г

5 янв.1951

Ваше Императорское Высочество!

Разрѣшите мнѣ принести Великой Княгинѣ и Вамъ мои поздравленія къ празднику Рождества Христова и пожелать Вамъ въ новомъ году здоровья и всяческаго преуспѣянія...

Пишу книгу о Монархіи и часто содрогаюсь отъ ужаса, горя и стыда... Какъ люди умѣли изъ тысячелѣтія въ тысячелѣтіе отравлять жизнь своему Государю, — лестью, интригой, клеветой, угрозой, покушеніями и убіеніемъ!... И изъ за чего?! Изъ зависти, честолюбія и властолюбія. И не понимали, что монархъ есть мученикъ своего служенія, которое король Альфонсъ XIII однажды послѣ неудавшагося покушенія называлъ „*notre métier*“. Если только вспомнить, что изъ 59 римскихъ Императоровъ 41 погибли насильственной смертью... Если вспомнить Византію съ ея чернью, умѣвшею ненавидѣть лучшаго изъ неугодныхъ ей Монарховъ и надругиваться надъ свергнутымъ Царемъ... Если вспомнить восклицаніе благосерднѣйшаго Государя Императора Александра II послѣ неудавшагося покушенія на него на Николаевскомъ вокзалѣ, восклицаніе, произнесенное со слезами на глазахъ: „За что они меня такъ ненавидятъ?!“... — Ахъ, иногда лучше не вспоминать и не быть историкомъ!..... — Видятъ пошлые люди отъ всего Монарха одну внѣшнюю помпу и не видятъ плѣнника и жертву трона....

Но простите! Это не праздничныя мысли и несвоевременныя размышленія....

Я все еще борюсь съ моей астмой, упорно и терпѣливо, и не выхожу изъ дома : внизъ съ третьяго этажа я могу сойти, а наверхъ безъ лифта — трудно. За то много работаю.

Вашего Императорскаго Высочества

покорный слуга

2/I 1953

Сей, забытое и восстановлено, ~~то~~
^{еще} ~~Остается~~ ^и ~~по~~ ^{отнюдь} ~~первый~~ ^{сначала} ~~второй~~ ^{абсолютно}
~~по~~ ~~второй~~ ~~книжке~~ ~~документ~~
~~что~~ ~~и~~ ~~книжка~~ ~~напечатана~~ ~~всего~~ ~~на~~
~~бумаге~~ ~~у~~ ~~меня~~ ~~то~~ ~~но~~ ~~бумага~~ ~~бумага~~
~~и~~ ~~книжка~~ ~~напечатана~~ ~~в~~ ~~наша~~ ~~будет~~
~~справа~~ ~~прямой~~ ~~двух~~ ~~сторонах~~
~~но~~ ~~потому~~ ~~и~~ ~~вероятно~~ ~~даже~~ ~~что~~ ~~и~~
~~продолжает~~ ~~высказывать~~ ~~свои~~ ~~взгляды~~

^{уверенности}
поведение в котором ^{уверенности} ~~вероятно~~ ~~будет~~
~~депрессивное~~ ~~и~~ ~~большинство~~ ~~людей~~ ~~будет~~ ~~сложившимся~~
~~мнению~~ ~~правильно~~ ~~некто~~ ~~сказал~~ ~~то~~ ~~дел~~

^{нормы}
Каждому ^{нормы} ~~судить~~ ~~просто~~ ~~сказать~~ ~~свои~~ ~~мысли~~
~~и~~ ~~быть~~ ~~такой~~ ~~как~~ ~~моя~~ ~~жизнь~~
~~продолжает~~ ~~и~~ ~~сначала~~ ~~гораздо~~ ~~лучше~~ ~~идет~~

^{многочисленные}
Моя мать, Мария Николаевна, ^{многочисленные} ~~и~~
~~которой~~ ~~уже~~ ~~в~~ ~~большинстве~~ ~~справедлив~~
~~сорока~~ ~~пяти~~ ~~лет~~ ~~наша~~ ~~свобода~~ ~~и~~
~~вообще~~ ~~у~~ ~~меня~~ ~~медленно~~ ~~океан~~ ~~идет~~

^{и благодарю вас}
В Климка Вла
Гасов (и Павел ~~Завед~~ Завед
мелкого добродушного духа и онкодела-
мача со всем отношением).

А вы оба еще раз благодарите нас
и Вамуко Климко и Гасов.

Ваше душевно преданное

И.А. Климко